

КОМПАРАТИВИСТИКА

М.В. Козьменко

ПИСАТЕЛЬ ПОЛЬ БУРЖЕ И ГИМНАЗИСТ ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

(круг чтения и парадигмы поведения и письма)

В статье на основе анализа неопубликованных дневников Леонида Андреева – гимназиста рассматривается роль романа Поля Бурже «Ученик» в формировании умозрительных ориентиров и эстетических пристрастий будущего писателя. Выдвигается предположение, что своеобразные (на фоне отечественной литературы XIX в.) черты поэтики французского романа могли повлиять на отдельные стороны творчества Андреева, в частности, отразившись на таких особенностях его позднейших произведений, как субъектная структура (нередко включающая в себя персонажей и/или повествователей – носителей раздваивающегося сознания), мотив радикального психологического эксперимента, в процессе которого герой-экспериментатор терпит поражение, гипертрофированно-интеллектуальный дискурс (прежде всего – в повестях «Мысль» и «Мои записки»).

Ключевые слова: русская литература конца XIX – начала XX в.; французская литература конца XIX в.; литературные влияния.

Изучение самых ранних дневников Андреева позволяет с большой определенностью очертить круг его чтения в период двух последних гимназических лет (1890–1891). Цитируемые и упоминаемые в них авторы прямо или косвенно связаны с философией, так как часть записей в дневниках этого периода напрямую отражает прожекты гимназиста в будущем «сделаться философом, может быть, несамостоятельным»¹, ряд страниц содержат (сополагающиеся с цитатами из чужих сочинений) собственные попытки создания этико-философских текстов (в частности, трактата под названием «Проклятые вопросы»²). А бесконечный самоанализ, который превращает дневник в своеобразную «психохронику», осуществляется подчас буквально в соответствии с доктринами почитаемых мыслителей³.

Круг цитируемых авторов может быть компактно очерчен. В дневниках за март 1890 – август 1891 гг. находим выписки из романа Поля Бурже «Ученик», произведений Артура Шопенгауэра (подавляющее большинство цитат – из «Метафизики половой любви»), Эдуарда фон Гартмана («Философия бессознательного»), Ч. Дарвина («Происхождение человека»), Макса Нордау, Блеза Паскаля, Р. фон Крафт-Эбинга («Наш нервный век»). Упомянуты с микроаннотациями: Н.П. Вагнер (Кот-Мурлыка), Ф. Шпильгаген («Загадочные натуры»), П.М. Ольхин («Последние дни самоубийц»). Вскользь говорится о «Герое нашего времени» Лермонтова (точнее о герое романа – Печорине), Писареве, Добролюбове, Бокле, Э. Беллами как авторе научно-фантастической утопии «Взгляд назад» (Андреев мог читать перевод романа, вышедший в 1889 г. в «Книжках недели» под заглавием «В 2000 году»).

Чаще всего цитируются и упоминаются произведения и имена Бурже, Шопенгауэра и Гартмана. Именно их идеи, сюжеты, самый строй мысли оказываются созвучными интеллектуальным исканиям юноши. Но если Шопенгауэр и Гартман фигурируют и в позднейших автобиографических списках мыслителей и писателей, оказавших на него влияние⁴, то имя Поля Бурже отсутствует в подобных перечнях.

Русский перевод романа впервые был опубликован в журнале «Северный вестник» в середине 1889 г., так что в марте 1890 г. Андреев цитирует в своем дневнике модную новинку. Роман широко освещался в русской критике, вызывал интерес у Чехова и Михайловского, выдержал в последующем несколько изданий, а в начале 1930-х гг. Горький включил его в выходявшую под его редакцией серию романов «История молодого человека XIX столетия».

Сюжетный стержень «Ученика» таков. Выпускник лицея Робер Грелу, в будущем мечтающий стать психологом (психология в контексте идей эпохи и данного произведения рассматривается как часть философии, фак-

тически – как раздел этики) и являющийся страстным поклонником позитивистско-нигилистической этико-психологической теории известного (вымышленного) философа Адриена Сикста⁵, решает провести эксперимент, подтверждающий излюбленные теоретические постулаты. Для этого Грелу ставит своей целью с холодной головой влюбить в себя Шарлотту де Жюсси-Рандон, полностью покорив волю невинной и тонко чувствующей девушки из аристократической семьи, в которую он приглашен гувернером. Эксперимент заканчивается неудачей: соблазненная плебеем (во многом под воздействием психологического шантажа Грелу, грозящего самоубийством от безответной любви) гордая аристократка убивает себя из чувства брезгливости к нему (последней каплей стало то, что уж после соблазнения она случайно познакомилась с его дневником, в котором психолог-позитивист вел «протокол» эксперимента). Кроме того, Грелу понимает, что сам влюбился в объект психологической вивисекции, то есть была подорвана основная посылка опыта: овладеть чужой волей, самому оставаться бесчувственным объективным наблюдателем. Крах собственной рационалистической концепции души понимает и невольный «учитель» Грелу – профессор Адриен Сикст, который неожиданно получает рукопись-исповедь находящегося под следствием юноши. Фабульная развязка двойной интеллектуально-психологической коллизии достаточно однолинейна: на пороге здания суда оправданного Грелу убивает его антипод – витальный, атлетически сложенный и далекий от умозрительных теорий офицер-аристократ, старший брат Шарлоты, а потрясенный профессор начинает вспоминать у гроба юноши давно забытые слова молитвы...

Одним из центральных мотивов романа, скорее всего поразившим Андреева-гимназиста, становится вызываемое форсированной рефлексией некое раздвоение сознания героя, его способность (которая и стала инструментом для проведения эксперимента) наблюдать за собой со стороны.

Еще до начала основных драматических событий профессор Адриен Сикст получает по почте рукопись неизвестного ему «бывшего ученика класса философии клермон-ферранского лицея» Робера Грелу под названием «Опыт изучения многообразных форм Я»⁶ (в позднейшем переводе А. Ладинского (1932), который используется при переиздании романа до сих пор, дан более адекватный перевод названия этого сочинения – «Опыт исследования множественности “я”»⁷). О содержании самого труда ничего не говорится, но далее в романе эта тема возникает снова и снова. Получив повестку по делу арестованного Грелу, профессор размышляет: «Быть может, этот молодой человек так заботился об определении многочисленных видов только потому, что он смутно сознавал присутствие в нем двух отдельных существ, из которых один честный, умный, наблюдательный исследователь научной истины, а другой – мрачный, жестокий убийца» (4, 26). В своей исповеди, приступая к «анатомическому сечению своего внутреннего я», Грелу заявляет: «Насколько я могу запомнить мое прошлое, я всегда отличался той способностью, которая обнаруживалась во всех критических моментах моей жизни до настоящего времени, именно способностью, или лучше сказать, возможностью и необходимостью раздвоения. Во мне всегда были две отдельные личности, одна жила и чувствовала, а другая с спокойным любопытством следила за тем, что делала и чувствовала первая. В настоящую минуту зная, что я сижу в тюрьме по обвинению в уголовном преступлении и что никто другой, а именно я, Робер Грелу, родившийся 5 сентября 1865 года, нахожусь в этом положении лишенный чести и угнетаемый горем, – я все-таки смотрю на свое положение как на зрелище, совершенно чуждое мне. В сущности, говоря о себе, я несправедливо употребляю слово “я”, потому что мое настоящее я, не то которое страдает и не то, которое наблюдает эти страдания. Мое настоящее я заключается из двух этих я, и эту действительность я сознавал с детства,

хотя не был в состоянии понять эту психологическую склонность, развитую до аномалии» (6, 35).

Далее, обнаружив корни этого феномена в собственной наследственности, герой констатирует: «<...> я высоко ценил унаследованную мною двойственную натуру: пламенную страстность и отвлеченность умственной жизни. Я всегда мечтал быть в одно и то же время пламенным и хладнокровным, наблюдателем и предметом наблюдения» (6, 37).

В соответствии с исповедуемыми позитивистскими методиками молодой философ-экспериментатор подвергает тщательному анализу развитие этой своей особенности: «<...> будучи ребенком, я часто находил странное удовольствие в притворстве, совершенно бескорыстном и происшедшем от того же принципа. Я не раз рассказывал своим товарищам неверные подробности моей жизни и не с целью похвастаться, а просто, чтоб чувствовать себя другим человеком. Впоследствии я также ощущал странное удовольствие защищать мнения самые противоположные своим собственным убеждениям с той же целью. Играть роль рядом с моим настоящим я казалось мне расширением своей личности, так инстинктивно пугало меня ограничение своего я строго определенным характером, чувством и убеждением» (6, 40–41).

Герой романа признается, что «<...> на самом пороге интеллектуальной жизни я понял, что в нас заключается тайный, необнаруживаемый элемент.

Я сознавал, что резко отличаюсь от них (всех своих товарищей и учителей – *М.К.*), именно мне казалось, что я их понимаю, а они меня не понимают» (6, 45).

Со временем число его «я» явило способность умножаться. Так, получив первый опыт плотской любви, он констатирует: «С этих пор возникла во мне третья личность. Рядом с послушным, трудолюбивым, набожным мальчиком и романтично мечтательным отроком развился во мне чувст-

венный юноша, пожираемый самыми грубыми физическими желаниями» (7, 51). Постыдную для самого героя связь с примитивной женщиной из народа в его глазах оправдывает та же двойственность: «Однако любовь к интеллектуальной жизни сохранилась во мне с такой силой, что, страдая от своего печального положения, я все-таки признавал свое превосходство над другими, заключающееся именно в том, что я понимал и изучал свое падение» (там же).

Характерно, что сами занятия философией несут для Грелу не только умозрительное наслаждение, но экзистенциальную ценность, ему представляется, что из исполненных позитивистской отстраненностью трудов Адриена Сикста он смог извлечь «полную этику, которая удивительно согласовала все различные элементы, бродившие во мне» (7, 53).

Первый дневник Андреева начинается с подробной самохарактеристики, да и целью дневника объявляется – «выяснить и понять свой характер, склонности, ум и, одним <словом>, все то, что составляет мое “я”» (Дн1. Л. 3об). Как важный момент подчеркивается отчужденность пишущего дневник от окружающих, его «особость»: «Случается, сидишь иной раз в классе, глядишь на других и думаешь: а совсем я на них не похож, все, по крайней мере, такие обыкновенные, такие всем, и в особенности собой, довольные, а я нет, не то, что они, есть во мне что-то, что отличает, выделяет меня из среды их, но это что-то один лишь я знаю и сидит это что<-то> глубоко во мне, – так глубоко, что и сам хорошо разобрать его не могу – а снаружи я такой же, как и они: так же глупо остро; так же говорю сальности и пошлости, так же как будто интересуешься тем, что вот меня сейчас спросят и я не отвечу – одним словом, ничем не отличаюсь от всех и, может быть, кто-нибудь из них так же испытующе смотрит на меня и думает: какой же ты, братец, простой, пошлый и ординарный человек!» (Дн1. Л. 3).

В конце подробного реестра собственных качеств Андреев указывает, что все вышеперечисленное – отнюдь не главное, а основа его мирозерцания, его «самая суть – это ясное и мучительное сознание бессцельности нашей жизни» (*Дн1*. Л. 5). Иногда, впрочем, он способен увлекаться этой внешней жизнью, да так «что даже думать, наедине с собой, начинаешь так же, как они, люди, – но тут всегда является на сцену мое настоящее я, которое разбивает все иллюзии и в совокупности с другим я, говорящим и делающим, составляет ту раздвоенность, которая у меня бывает то причиной горести, то причиной неописанной гордости. Это первое я, которое я только уважаю и люблю, вполне пессимист. <...> я, как уже сказал, разделяю жизнь на внешнюю, практическую как в словах, так и в действии, и внутреннюю, которая собственно и есть пессимистическая» (*Дн1*. Л. 6–6об).

Дневник Андреева можно назвать в каком-то отношении «опытом исследования множественности “я”»: постоянно фиксируемые им беспричинная тоска, неудовлетворенность реальностью, попытки найти выход в создании некоей этической системы во многом порождены, по мнению самого гимназиста, двойственностью его сознания. Солидарен он (в основном, в «теории»), но не в жизненной практике) с героем Бурже и во фрондировании аморализмом: «Здесь я сейчас так употреблял это слово, “подлость”, что выходит, как будто я сам признаю законы нравственности, но этого на самом деле нет: критерий нравственности: что полезно всем – честно, а что вредно – бесчестно, – для меня неприложим, ибо, во-первых, еще никому не известно, что я считаю полезным и наоборот, да при этом, в сущности, воля моя не свободна и отвечать за ее поступки не намерен: я делаю так, как делается, а выходит ли это нравственно или безнравственно – забота не моя. Разовью это впоследствии» (*Дн1*. Л. 20об.). Нарочитый аморализм находит свое место и в упомянутом выше неоконченном сочинении «Проклятые вопросы».

Но и на практике Андреев планирует «жизнетворческий» эксперимент, аналогичный опыту Грелу: «Цель же теперешних моих исканий совершенно иная, цель, которую можно даже назвать нечестною: именно я хочу покорить себе живого человека, покорить его душу, чтобы во мне одном видел он свет жизни, чтобы все, что помимо меня, потеряло для него всякий смысл и значение. Я понимаю всю трудность и относительную даже невозможность этой задачи, но я нарочно так поставил ее в такой, идеальной что ли, форме, чтобы иметь возможность постоянно судить о том, насколько приближаюсь я к решению ее. <...>

Мне нужно добиться любви Любочки. Так как сердце мое здесь не участвует, или участвует настолько, насколько это по решению уже необходимо для дела, а всю тяжесть и заботу о решении задачи берет на себя ум, то делом первой важности является вопрос о том, какую программу действий выработать мне»⁸. Вырабатывая эту программу, он прямо поминует героя Бурже, его методику в аналогичных ситуациях: «<...> если представится удобная минута, нужно стать тем же, чем был прошлый раз, т. е. нежным и мягким (как тряпка) и даже поцеловать ей руку, но не больше. Последнее, впрочем, не повредит делу никогда. “Смелость и физическая близость...” – говорит Грелу» (Дн2. Л. 50об.). Правда, первое, так сказать «исходное» «я» – молодой и влюбчивой ученик выпускного класса гимназии побеждает «холодное и расчетливое» «я»-экспериментатора довольно скоро, о чем свидетельствует запись, сделанная в дневнике уже на следующий день: «А силен еще во мне инстинкт жизни... Минутами забываешь свои злодейские цели – и хочется только жить, ласкать, целовать милую Любочку, ее глазки голубенькие, приласкать ее, как ребенка милого, и забыться с ней, забыть об этом уме проклятом, забыть о жизни, обо всем, что так гадко и скучно и глупо. А только когда вспомнишь, что значит это желание, станет так пусто, так скверно кругом, что хоть руки наложить на себя. Я хочу забыть обо всем этом, хочу только любить тебя,

Любочка, любить, любить, и любить...» (Дн2. Л. 51). (Заметим в скобках, что эта «жизнетворческая» игра Андреева с образом романного героя, скорее всего, происходит полубессознательно, так как когда одна из его знакомых девиц – предмет очередного флирта – сравнивает его с Грелу, гимназист недоумевают и искренне обижается (Дн1. Л. 63).)

Персонаж, в разной степени наделенный двойственностью сознания, почти с первых шагов Андреева в качестве профессионального беллетриста будет интенсивно населять его произведения – начиная с неопубликованного, написанного в январе 1899 г. рассказа с программным названием «Нас двое»⁹, и далее обретаясь, например, в таких этапных вещах, как «Рассказ о Сергее Петровиче», «Мысль», «Иуда Искарот», «Царь Голлод»... – вплоть до последнего, незавершенного романа «Дневник Сатаны». Можно говорить об особой типологической значимости такого сознания для андреевской характерологии.

Для будущего литератора роман Бурже мог быть интересен и как произведение, построенное не только на коллизии страстей, но и на борьбе идей, гимназиста мог поразить здесь развитый «умозрительный» дискурс, «мозговая игра». Самая идея интеллектуального эксперимента, в основе которого поединок мысли и чувства, причем с поражением мысли в конце, не станет ли одним из метасюжетов Андреева-писателя? Наиболее близкими к заданной «Учеником» модели – не только по этической проблематике и криминальной фабуле, но и по модусу отображения событий (напряженно-рефлексивная исповедь героя) – окажутся повести «Мысль» и «Мои записки». Помимо присутствующей в них явственной тени Достоевского с его героями-экспериментаторами (прежде всего – Раскольниковым и «подпольным парадоксалистом»), не исключено, что в этих двух андреевских творениях отразился и необычный для отечественной традиции гипертрофированно-интеллектуальный дискурс обсуждаемого французского романа. Как уже говорилось, «Ученик» Бурже не упоминается в поздней-

ших автобиографических реестрах книг и авторов, оказавших влияние на его умственное развитие в молодости, но – запечатлен в дневниках, которые постоянно перечитывались в более зрелую пору, дабы почерпнуть оттуда очередной повествовательный или фабульный импульс.

Для гимназиста, мечтающего в 1890 г. написать философское сочинение, роман имеет еще один смысл. Андреева интересует ряд этико-психологических тезисов, которые, как ему кажется, близки к его собственной мировоззренческой теории. Он выуживает из романа афоризмы, которые опровергаются всем его ходом, почти не прикрытыми интенциями автора, – воспроизводимые Грелу цитаты из трудов Адриена Сикста! Уже на первых страницах дневника, в самом начале записи (второй по счету) от 15 марта находим следующий коллаж из подобных цитат:

«П. Б<урже>. Ученик.

Все люди должны быть рассматриваемы ученым, как опыты, производимые природой. В числе этих опытов одни полезны для общества, и тогда произносят слово добродетель, а другие вредны, и тогда является слово порок или преступление. – Всеобщее сцепление явлений приводит к тому, что каждое из них несет на себе тяжесть всех, так что все атомы и во всякую минуту могут считаться выражением всего, что было, что есть, что будет; в этом смысле, можно сказать, что мир вечен во всех его частях так же, как и в его общем объеме. <...>

П. Б. У. – Спиноза хвалился тем, что он изучает человеческие чувства, как математик изучает геометрические фигуры; современный психолог должен их изучать, как химические соединения в колбе, сожалея только о том, что его колба не такая прозрачная, как та, в которой делают опыты в лаборатории. – Нет ничего нового в этом душевном состоянии человека, который, развивая в себе до крайних пределов способность к мышлению, неожиданно встречает человека, который развил способность к действию,

и ощущает болезненную тоску от недоступности для него той жизни, которую он все-таки презирает» (*Дн1*. Л. 2, 3).

Выписки эти (по сути – дважды преломленное «чужое слово») оцениваются в контексте дневника не просто как образцы любопытных этических парадоксов, но, судя по всему, и как тезисы, которые могли бы быть использованы в своем ученом сочинении. Автор дневника рассматривает афоризмы придуманного Бурже философа Адриена Сикста на равных с последующими цитатами из Шопенгауэра и Гартмана.

Таким образом, интерес гимназиста к «Ученику» имеет поливалентный характер: отдельные моменты его сюжетной и персонажной структур, субъектной организации повествования оказываются близки Андрееву едва ли не личностно-психологически (опыт, который в последующем будет творчески переосмыслен в его беллетристической практике), а некоторые идеи, излагаемые в романе, координируют с пессимистическими тезисами чаемой в будущем собственной философско-этической системы.

¹ *Андреев Л.Н.* Дневник. Часть первая. 1890 год. 12 марта – 30 июня // Русский архив в Лидсе (Великобритания). MS.606/ E.1 (далее – *Дн1*). Л. 35об.

² Подробнее о нем см.: *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2007. Т. 1. С. 695, 793.

³ См.: *Козьменко М.В.* Дневник-роман Леонида Андреева // *Андреев Л.Н.* Дневник 1897-1901 гг. М., 2009. С. 4–14.

⁴ См., например: *Леонид Андреев (Автобиографические материалы)* // Русская литература XX века (1890-1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 1915. Ч. 2. С. 243.

⁵ «Сикст – собирательный образ ученого того времени, в первую очередь Ипполита Тэна. <...> В пересказываемых героями романа основных положениях позитивистской философии без труда узнаются идеи Дарвина, Спенсера, Тэна, Кл. Бернара» (*Андреев Л.Г.* Два лика свободы // *Нодье Ш.* Жан Сбогар. *Бурже П.* Ученик. *Ален-Фурье.* Большой Мольн. М., 1990. С. 11).

⁶ Роман цитируется по первому русскому переводу: *Бурже П.* Ученик // Северный вестник. 1889. № 4. <Приложение>. С. 10. Переводчик не указан. Роман печатался в 1889 г. (№№ 4, 6 и 7) в виде не обозначенного специально приложения, части которого механически приплетались к очередному номеру журнала (вся публикация имеет самостоятельную сквозную нумерацию). Далее при цитировании первая цифра обозначает номер журнала, а вторая – страницу приложения.

⁷ См., например: *Нодье Ш.* Жан Сбогар. *Бурже П.* Ученик. *Ален-Фурье.* Большой Мольн. М., 1990.

⁸ *Андреев Л.Н.* Дневник. Часть вторая. 1890 года 3 июля – 18 февраля 1891 года // Русский архив в Лидсе. MS.606/ E.2 (далее – *Дн2*). Л. 40–40об.

⁹ *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 1. С. 261–272.